

<https://www.belcanto.ru/12052602.html?ysclid=lgpp5x2z1q702733420>

Belcanto.ru

Герой нашего времени, или Для кого поёт Хворостовский?

Александр Матусевич 26.05.2012

Несколько месяцев назад мой коллега задавался вопросом об эмоционально-смысловой наполненности выступления знаменитого российского баритона, рецензируя его концерт в Петербурге. Совсем недавно мне довелось послушать звёздного певца на его московском рецитале, в результате чего также возникли некоторые вопросы, на которые я попытаюсь дать собственные ответы. Но – обо всём по порядку.

Новую встречу Дмитрия Хворостовского с московской публикой на этот раз организовал фестиваль «Черешневый лес», который каждый раз в своих программах предлагает что-нибудь совершенно эксклюзивное по части академической музыки. Выступление Хворостовского по всем параметрам относится к этому эксклюзивному: популярность баритона в России велика, каждый его приезд подобен визиту кумира шоу-бизнеса – яркие постеры и билборды по всему городу, шумная реклама в СМИ и астрономические цены на билеты. Соответственно и публика на его концертах – весьма специфичная: на этот раз, как и всегда, Большой зал консерватории «украсил» гламур всех мастей (политика, шоу-бизнес, СМИ и пр.), пришедший в святая святых русской музыки выгулять очередные бриллианты, а также безденежные студенты и пенсионеры, прорывающиеся на подобные концерты всеми правдами и неправдами, которыми в последний момент сердобольные билетёрши заполняют зияющие дыры в партере – а таковых остаётся немало, ибо любителей высокого искусства, даже при условии, что «поёт сам Хворостовский», среди российской элиты на вместительный партер БЗК никогда не набирается.

Как результат – очень трудно начать концерт, поскольку по партеру всё время кто-то разгуливает: то навороченная парочка дефилирует по центральному проходу минут в двадцать восьмого – не пустить их при той цене за билет, которую они заплатили, не поднимется рука ни у одной, даже самой академически безупречно преданной высокому искусству капельдинерши, то стайки бабушек или девушек проскальзывают в партер и судорожно снуют туда-сюда в поисках свободного места. Дмитрий Хворостовский на этот раз попытался повоспитывать публику: выйдя к ней, он долго стоял, опершись на рояль, и, щедро раздавая свои по-голливудски безукоризненные улыбки, всё ждал и ждал, когда же зал хоть немного утихомирится... А этого не происходило слишком долго. Похоже, знаменитому вокалисту надоел воспитательный процесс достаточно быстро, и он всё-таки запел, так и не дождавшись идеальной тишины.

Москва, эта в прошлом купеческая и пролетарская столица, а ныне оплот нуворишей, по правде сказать, никогда не отличалась пуританским академизмом наподобие Зальцбурга или Петербурга. Но концерты наших «самых-самых» раскрученных звёзд – вообще отдельный разговор. И ожидать от них благоговейной атмосферы умиления высоким искусством, музыкой самой исключительной пробы (а на этот раз в программе Хворостовского была именно она – не попса от классики, а серьёзная камерная программа) было бы верхом наивности. Господин Хворостовский, равно как и госпожа Нетребко, и некоторые другие персоналии академической музыки, ставшие в последние годы «людьми из телевизора», посетить выступления которых входит в обязательный топ-лист гламурных развлечений, теперь до конца своих творческих дней просто обречены вот на такую аудиторию – стучащую каблуками во время музыки, перезванивающую по телефонам, аплодирующую внутри вокальных циклов, отпускающую глупейшие комментарии по поводу слышимого со сцены... Во многом это выбор самого певца, с радостью вырвавшегося из сектантски замкнутого круга «звёзд классической музыки»,

имена которых известны только настоящим меломанам, и превратившегося в кумира для миллионов. Поэтому устроенная им экзекуция по ожиданию тишины в зале выглядела по меньшей мере наивно...

На этом концерте Дмитрий Хворостовский и эстонский пианист Ивари Илья исполнили четыре блока камерных произведений – избранные романсы Рахманинова, Танеева, Листа и Чайковского. Для вокала Хворостовского более всего подходит эпитет «грамотный» — хорошо выделанный голос, полный и ровный по диапазону, не испытывающий трудностей ни на верху, ни внизу, приятный по тембру. Чисто формально придраться вообще не к чему: единственная неубедительная, слегка заваленная верхушка в рахманиновском «Она, как полдень, хороша» (на словах «...томиться суждена») была с лихвой искуплена многими другими высокими нотами, взятыми превосходно, мне в особенности удовольствие доставила вершинка на слове «дуновенье» в танеевском «Не ветер, вея с высоты». Тембр певца, некогда признанный одним из красивейших в мире, на мой вкус, хорош, но не сногшибателен, слишком засурдинен, затемнён, сам голос «посажен» несколько глубоковато, и раньше не отличавшийся пробивной силой и яркостью, сегодня звучит ещё более тускло, словно золото, покрытое патиной. Но это не недостаток, а, скорее, его особенность – на смену более блестящим краскам молодости пришёл благородный отлив зрелости и полного самообладания.

Но есть в пении Хворостовского одна проблема, которая никак не преодолевается с годами: отсутствие тембрального разнообразия. Всё спето абсолютно одинаковым звуком. Этот звук градуирован динамически, он даже окрашен смысловыми интонациями, но игрой собственно тембра Хворостовский не владеет ни в малейшей степени. Стабильное, ровное и до невозможности скучное, «неживое» пение. Вследствие этого страдают в особенности драматургически сложные произведения – если более-менее известное слушается на автомате и ум дорисовывает сам то, чего недодаёт певец, то такие грандиозные по внутреннему напряжению миниатюры, как, например, «Воскрешение Лазаря» Рахманинова или «Менуэт» Танеева получаются невыносимо пресно и неубедительно. Певец, вероятно, это чувствует сам, поскольку нередко пытается компенсировать эти недостатки тем, что можно условно назвать оперной экзальтацией – но получается ещё хуже, поскольку эти «африканские» страсти в камерных миниатюрах смотрятся очень натужно и неестественно. Самым «подходящим» произведением всей программы для эмоционально «мёртвого» пения Хворостовского оказались танеевские «Сталактиты», где голос и метод певца находились в полном согласии с музыкой.

И, несмотря на это, Хворостовский имеет грандиозный успех у публики. Как такое возможно? Можно ли было себе представить ещё полвека назад, а то и меньше, чтобы столь невыразительно поющий вокалист со столь слабой голосовой индивидуальностью стал кумиром многих, стабильно собирал полные залы по всему миру? Полагаю, что лишь глухое к настоящей музыке и настоящему искусству наше время, но очень восприимчивое к картинке и внешним эффектам, способно было выдвинуть в герои сцены такого певца. Хворостовский действительно герой нашего времени – высок, статен, по-сибирски красив, находится в превосходной форме: экстерьером певца не восхититься невозможно (хотя со вкусом не всегда получается полное попадание – сюртук со стёгаными лацканами, в котором Хворостовский впервые появился на открытии Большого театра, смотрится очень

провинциально, а чёрная рубаха с открытым воротом, которую он себе позволил в академическом зале, слишком по-домашнему). А что касается пения... Да кто в этом по большому счёту разбирается? Жалкие кучки профессионалов и любителей-меломанов? В век глобального информационного пространства не они делают погоду...